

А.В. Витол (Санкт-Петербург)

ДАРДАНЕЛЛЫ, ГОД 1770-Й. ФРАНЦУЗСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ТУРЦИИ

Н АСТОЯЩАЯ статья подготовлена к знаменательной для России дате: 200-летию Отечественной войны 1812 г.

Попытка российского флота пройти через Дарданеллы во время так называемой первой Русско-турецкой войны (1768–1774) Екатерины II вызвала противодействие Франции. Такое поведение Версаля рассматривается как выражение «обычной» французской политики по отношению к Османской империи. Рассмотрение французской политики как «обычной», т. е. традиционной, позволяет автору статьи напомнить о «скандальном» франко-турецком сближении в XVI в., о постоянных торгово-политических связях обоих государств, оформленных соглашениями-капитуляциями, о существовании планов раздела Турции при Ришелье и Кольбере, о посылке отдельных подразделений французских добровольцев для участия в сражениях с турками и т. д.

Надо отдать должное французской дипломатии: даже в периоды явного противостояния обеих держав ей удавалось сохранять «хорошую мину при плохой игре», т. е. поддерживать имидж своего государства на высоком уровне – в этом, по-видимому, сказывался ее многовековой опыт тесного общения с Востоком еще со времен Карла Великого, крестовых походов, Латинской империи XIII–XIV вв. и сравнительно мягкой колониальной политики. Наиболее ярко стремление Франции на Восток проявилось в Египетском походе Наполеона I (1798–1799), когда «традиционная дружба» с Портой сменилась оккупацией части территории Турции, но и тогда отношения сравнительно быстро были восстановлены. Наполеоновские планы достичь Индии вместе с войсками Павла I¹,

разведывательная миссия полковника Себастиани (1803), детальная проработка новой экспедиции в долину Нила (1810) и другие планы, о которых император Франции не забывал даже в Москве в 1812 г.² – так или иначе затрагивали и Османскую империю, но оба государства продолжали считаться едва ли не союзниками.

В XVIII в. Франция была сильно ослаблена в результате так называемой Семилетней войны (1756–1763), которую по площади театра военных действий и числу участников можно назвать мировой³. Успехи Англии в Индостане (в XVII в. перевес был на стороне французов) убедительно доказали бесперспективность французского присутствия в этом регионе. В результате – по Парижскому миру 1763 г. – Франция отказалась почти от всех своих владений в Индии. В связи с этим вновь возросло для нее значение Ближнего Востока как зоны ее непосредственных интересов, зоны ее ближних контактов с мусульманским миром. В удачной для Османской империи войне 1735–1739 гг. с Австрией и Россией⁴, Франция выполняла роль «медиатора», т. е. посредника между воюющими сторонами, и была довольно щедро вознаграждена Портой. В 1740 г. она получила от султана очередные, теперь уже «вечные», капитуляционные привилегии, которые стали «образцовыми» для других государств, в частности для России⁵. Однако России они были предоставлены лишь в результате тяжелых боевых столкновений, а Франции – за дипломатические услуги.

Возвращаясь к Семилетней войне, напомним, что зафиксированное Парижским миром поражение Франции нанесло ей такой тяжелый удар, что последующее десятилетие – 1763–1773 гг. – иногда называют «декадой французской прострации»⁶. Конечно, несмотря на поражение и все сложности предреволюционной ситуации, Франция на собиралась уступать своим противникам. Известно, например, что к середине 70-х гг. Людовику XVI (1774–1792) было предоставлено не менее десяти проектов изгнания англичан из Индии⁷. Естественно, что наиболее явственно проявились мечты французских правящих кругов при Наполеоне I – например, когда он сказал, что «отвоюет Пондишери на берегах Вислы»⁸.

События 1770 г. связаны не просто с первой русско-турецкой войной, но и с первой экспедицией русского флота в Средиземное море, в Архипелаг⁹, что компенсировало в какой-то степени отсутствие у России флота на Черном море. Действия русского флота в Архипелаге оказались столь удачными (их высший показатель –

битва при Чесме), что в российское подданство перешло около 20 островов и в переписке командования эскадры с Екатериной II нередко встречается термин «Архипелагское великое княжество», или шли разговоры о «новом члене европейского христианского общества». От территорий, которые добровольно перешли в российское подданство, пришлось отказаться по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г.¹⁰, однако завоевания в Эгейском море были весьма значимым аргументом при подписании мира, решительно изменившего положение России в Европе, а для Турции эти события означали неизбежность начала военных и других реформ, которые откладывались по разным причинам с начала XVIII в.

Несомненно, что Франция играла особую роль во внешней политике Турции, но в связи с французскими поражениями Стамбул начинает искать новых союзников и заключает договор с Пруссией. Встревоженная Мария Терезия (1740–1780), и без того недовольная переходом России в прусский лагерь, заключила с султаном оборонительный союз (июнь 1771). Франция отвечала доступными ей средствами: поддержкой крымского хана и польских конфедератов. Однако основное состоялось: Англия с ее сильнейшим флотом, победоносная в Семилетней войне, отнеслась к России и ее планам «архипелажной» экспедиции не только с позиции нейтралитета, но и как доброжелатель или даже союзник. Помощь России выражалась в починке ее кораблей в английских портах, в снабжении ее флота боеприпасами, в направлении в русскую эскадру опытных офицеров. Справедливо отмечено, что такое поведение Англии казалось позднейшим английским поколениям, помнящим Крымскую (1854–1856) и Русско-турецкую (1877–1878) войны, «похожим на сон»¹¹. Франция (а также Испания) беспрепятственно пропустили русские корабли и не мешали русской эскадре осуществлять ее планы.

Одержав победу при Чесме, русский флот приступил к более жесткой блокаде водного пути, связывающего столицу Турции с ее владениями в Средиземном море – Дарданелл. Флот не ставил своей задачей захват Стамбула, но оказать давление на Порту и помочь сухопутным операциям русской армии на Дунае предполагалось. Были ли попытки форсировать Дарданеллы, до сих пор неясно. В этом случае необходимо привлекать не только русские источники (в общем, они, конечно, известны, но не исключены неожиданные находки), но и иностранные. Историки Западной Европы

буквально с последних десятилетий XVIII в. используют «Мемуары о турках и татарах» французского агента барона Франсуа де Тотта – заметной личности в истории ближневосточной политики Франции.

О бароне де Тотте следует сказать особо. Как уже отмечалось, политика Франции в отношении Турции отличалась особой изощренностью. К давним традициям широкого привлечения «дипломатического ресурса» в XVIII в. присоединились возможности военно-технического сотрудничества, т. е. восполнения каких-то утраченных элементов международного «равновесия» с использованием военных специалистов. О наиболее известном такого рода специалисте – А.-К. де Бонневале – говорилось на II научно-практической конференции «Война и оружие» в Музее артиллерии в мае 2011 г.¹² Напомним, что граф Бонневаль самовольно покинул французскую армию, служил в австрийской, а затем перешел на турецкую службу. Ему пришлось принять ислам, и Порты не разочаровалась в своем новом подданном: его деятельность наметила традиции европейского (т. е. в данном случае передового) обучения турецкой армии. Под именем Бонневалья тоже были напечатаны «мемуары» – модный в XVIII в. историко-развлекательный жанр литературы, в произведениях которого не всегда можно отличить правду от вымысла. Тем не менее Бонневаль оказал реальную помощь Порте не только как военный специалист, но и как военно-политический советник во время войны Турции с Австрией и Россией в 1735–1739 гг.

Барон Франсуа (Ференц) де Тотт (1733–1793) – представитель той группы венгерской эмиграции во Франции, которая была связана с приверженцами Ференца Ракоци II (1676–1735), предводителя антигабсбургской борьбы венгерского народа. С молодых лет де Тотт был привлечен на дипломатическую службу во французском посольстве в Турции, затем был направлен в Крымское ханство – тогда еще вассальное владение Османской империи. В Крыму Тотт был французским консулом, и целью его было, по выражению С.М. Соловьева, «подавать всевозможную помощь туркам и делать всевозможный вред русским»¹³. Эта фраза историка определила отрицательное отношение к Тотту в российской историографии, впрочем, о ненависти к барону со стороны Екатерины II сообщал и Е.В. Тарле, ссылаясь на переписку царицы с Вольтером¹⁴ – а как она могла относиться к явному врагу ее дела? Однако самые суровые слова в отношении политической деятельности Тотта,

его знания турецкого языка и «Мемуаров» в целом принадлежат крупному русскому востоковеду, туркологу В.Д. Смирнову (1846–1922). Вывод ученого следующий: «Все, что сообщает Тотт, требует самой тщательной проверки и сличения с другими данными»¹⁵.

В западной историографии отношение к «Мемуарам» де Тотта вполне положительное: они переведены на ряд языков, в т. ч. на польский – язык очень заинтересованной стороны, где переводчик особенно подчеркивает опасность от «упадка духа народа» (т. е. как турок, так и поляков. – *А. В.*), борющегося против «москалей», т. е. «русских»¹⁶. Книга Тотта называется среди основных источников по истории того времени, она читалась с интересом. Так, ее рекомендовал друзьям Франсиско Миранда, один из руководителей борьбы испанских колоний в Америке за независимость¹⁷. Книгу де Тотта с интересом читал молодой Наполеон Бонапарт. Получается, что Европа того времени смотрела на Турцию, на события в Крыму и на юге России глазами барона де Тотта.

В 1757 г. в Турции пришел к власти 26-й османский султан Мустафа III (до 1794). Этот правитель был не чужд идей вестернизации, почитал труды Исаака Ньютона. Мустафа III проявлял особую заботу об улучшении состояния армии. Он понимал, что Турция может разделить судьбу Польши и, постоянно подстрекаемый французской дипломатией, поспешил объявить войну России. Франция направила своих офицеров-инструкторов на помощь центру польских конфедераций в городе Баре (Подолия), пыталась агитировать в Англии и Швеции против раздела Польши, но неудачно¹⁸. С началом войны Турции и России, и особенно после Чесмы, пришло время использовать барона де Тотта, который, судя по всему, имел неплохую артиллерийскую и инженерную подготовку¹⁹. Так или иначе, но в самый критический момент приближения русской эскадры (в т. ч. и корабля под командованием английского адмирала Джона Эльфинстона) ко входу в Дарданеллы, султан приказал Тотту срочно принять меры к недопущению русской эскадры в Мраморное море и к Стамбулу²⁰. Тотта сопровождала группа французских офицеров и саперов, при ней находились турецкие чиновники (комиссары) для координации совместных действий. Де Тотт в своих «Мемуарах» описал состояние артиллерийских батарей²¹ на берегах Дарданелл как самое плачевное – возможно, что так он хотел подчеркнуть свои последующие заслуги.

Нелишне напомнить, что под Дарданеллами понимался не только пролив, но и несколько укрепленных замков. Еще при Мехмеде II (1451–1481) были возведены (или обновлены) два замка: Седдильбахир на европейском берегу и Чанаккале на азиатском. От названия укрепления на азиатском берегу и произошел турецкий термин для Дарданелл – «Чанаккале Богазы», т. е. «Пролив Чанаккале». Замки, возведенные в XV в., называли «старыми»; построенные затем в XVII в. для защиты от венецианцев – «новыми».

Что удалось де Тотту? Согласно обновленной турецкой энциклопедии, на азиатском (анатолийском) берегу, а именно от мыса Ногара (это и название населенного пункта, и укрепления) до крепости Кумкале (буквально – «Песчаная крепость»; это же название относится теперь и к городу) он построил несколько артиллерийских батарей. Вместе с тем были приведены в порядок батареи в других замках (в XIX в. стали употреблять слово «форт») – их названия стали известны в Европе со времени I мировой войны и Дарданелльской (Галлиполийской) операции 1915 г. Согласно «Мемуарам», Тотт устроил показательные стрельбы на берегу Дарданелл, и ядро его орудия удачно попало в небольшое строение²². Естественно, что русская разведка сообщала о мероприятиях турецкой стороны. Русское командование убедилось, что противник готовится к обороне, и ограничилось блокадой, которая продолжалась еще долго, но не была абсолютно непреодолимой для турок (по крайней мере, для небольших транспортных судов).

В дальнейшем Тотт занимался созданием понтонов для переправки через Дунай, оснащением турецкой армии орудиями (в частности, гаубицами), а также отливкой новых орудий. Считается, что он организовал особый артиллерийский корпус «сюратчи» (от слова «сюрат» – «скорость»)²³, орудия которого могли вести огонь со скоростью 8-10 выстрелов в минуту. Сюратчи были одеты в одинаковую униформу, напоминающую европейскую, имели на вооружении штыки²⁴. Вершиной деятельности де Тотта можно считать открытие им военно-инженерной школы, которая продолжала традицию военного учебного заведения, созданного А.-К. Бонневалем²⁵.

Задержав русский флот у входа в Дарданеллы, Порта не вышла из войны, которая продолжалась еще более 3 лет. В ходе войны положение турецких вооруженных сил улучшалось, но исход был предрешен. Что касается отношений между Францией и Россией,

то они оставались враждебными до конца войны. Попытки французов сделать посредником философа Дени Дидро, которому благоволила Екатерина II, не удалось²⁶, хотя ему было поручено передать царице условия довольно выгодного мира с турками. Таким образом, Франции не удалось оказать существенной помощи Турции в Русско-турецкой войне (1768–1774) или выступить в роли посредника.

Итак, Франция поддержала Турцию в трудный момент, но она же породила у нее неоправданные надежды при вступлении в войну и во время ее продолжения. Мероприятия Франсуа де Тотта и французская пропаганда «неприступности» Дарданелл, возможно, сказались на нежелании отправлять русский флот к Стамбулу, но в целом это было решение, продиктованное «государственным инстинктом России», который в это время работал безошибочно. Противник был побежден, но не затравлен в собственном доме. Большие победы требовали неожиданных решений, подобных тем, которые принимал победитель Наполеона М.И. Кутузов.

¹ См.: Проект сухопутной экспедиции в Индию, предложенный императору Павлу I Первым Консулом Наполеоном Бонапарте. СПб., 1880.

² Светлов Р. То, что осталось за полями рукописи // Наполеон Бонапарт. Египетский поход. СПб., 2000. С. 413.

³ Напомним еще один термин: французы называли период со второй половины XVII в. до наполеоновских войн включительно Второй Столетней войной. – См.: Бахрушин С.В., Сказкин С.Д. Дипломатия европейских государств в XVIII веке // История дипломатии. Т. I. М., 1941. С. 262.

⁴ Россия получала Азов, но без права укреплять его.

⁵ По подсчетам Е.И. Дружининой, 47 статей русско-турецкого торгового соглашения 1783 г., заключенного в развитие Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., почти дословно воспроизводили статьи французских капитуляций 1740 г. – См.: Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 293.

⁶ Тарле Е.В. Три экспедиции русского флота. М., 1956. С. 116. Е.В. Тарле цитирует С. Bemis, автора «наилучшей» по тому времени истории дипломатии Соединенных Штатов (Bemis S.F. Diplomatic History of the United States. New York, 1942. С. 15).

⁷ Светлов Р. Указ. соч. С. 379.

⁸ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю. 1660–1783. М.-СПб., 2002. С. 23. Там же сообщается о предложении некоего французского офицера захватить один из островов в Вест-Индии, чтобы обменять его на английский Гибралтар.

⁹ Географический термин, означающий группу морских островов. Русский флот воевал в Греческом Архипелаге, то есть в Эгейском море.

¹⁰ В справочных пособиях далеко не всегда упоминается об отказе России от завоеваний в Эгейском море (статьи 17 и 24 Кючук-Кайнарджийского договора). – См.: Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 354, 357 (приложение 3). Т. е. Россия отказывалась от приобретения порта-«станции» в Архипелаге, а также от своих намерений настаивать на объявлении Молдавии и Валахии независимыми, подобно Крыму.

¹¹ О причинах, по которым Англия заставила Францию и Испанию пропустить русский флот в Средиземное море, убедительно писал Е.В. Тарле. – См.: Тарле Е.В. Указ. соч. С. 36, 38.

¹² Витол А.В. Иностранное влияние в турецкой армии первой половины XVIII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Мат-лы Второй межд. науч.-практ. конф. 18–20 мая 2011 года. Ч. 1. СПб.: ВИМАИВиВС, 2011. С. 144–151.

¹³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. М., 1965. С. 383. Не исключена и особая роль барона в развязывании русско-турецкой войны.

¹⁴ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 34–35. Сам Вольтер сочувствовал Екатерине II в ее борьбе с турками – вспомним хотя бы ее проекты «бронированных колесниц», т. е. какого-то прообраза современных танков, любезно присланных царице в тайной переписке. Отношение к самому барону де Тотту у Вольтера, впрочем, как будто положительное. В работе под названием «Надо сделать выбор, или Принципы действия» Вольтер как бы от лица турок называет Тотта «человеком, принадлежащим к лучшему обществу и оказавшим нам, туркам, большие услуги в последней войне». – См.: Вольтер. Философские сочинения. М., 1988. С. 533.

¹⁵ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889. С. 107.

¹⁶ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 85–86.

¹⁷ Франсиско Миранда жил в 1756–1816 гг. Россию посетил в 1786–1787 гг.

¹⁸ Уляницкий В. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883. С. 201.

¹⁹ Венгерская энциклопедия пишет о нем прежде всего как о военном деятеле и инженере. – См.: Magyar életrajzi lexikon. Т. 2. Budapest, 1969. С. 890.

²⁰ [Tott] Memoires du Baron de Tott sur les Turcs et les Tartares. Т. III. Maestricht, 1784. С. 25.

²¹ Metin Tuncel Çanakale. Türk diyanet vakfı. İslâm ansiklopedisi. Cilt 8. İstanbul, 1993. С. 202. В книге английского историка Кинросса сообщается о двух батареях на азиатском берегу и двух на европейском. – См.: Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 433.

²² [Tott] – Memoires. Т. III. С. 58.

²³ Его называли также «сюрят топчулары» (sür'at topçuları), то есть буквально «скоростная артиллерия». – См.: Redhouse Yeni Türkçe-İngilizce Sözlük. İstanbul, 1968. С. 1041.

²⁴ По-видимому, штывки периодически вводились в турецкой армии, но их приращение относят все-таки к XIX в.

²⁵ Лорд Кинросс. Указ. соч. С. 438; Мейер М.С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 199–200.

²⁶ Уляницкий В. Указ. соч. С. 207.